

Вспомнив длинные ноги Оуяна, Ци Юньхэн снова подумал о том, как он держал их в своих руках, обвивал вокруг талии и поднимал на плечи, ощущая множество неопишуемых чувств. Он не сдержался и слегка улыбнулся.

Эта улыбка Ци Юньхэна сразу же вызвала странные мысли у присутствующих, которые решили, что старший принц Ци Юйчэ своим мастерством в боевых искусствах заслужил благосклонность императора.

— Неужели сегодня солнце взошло с запада?

Ошеломлённая, но также и облегчённая тем, что её сын сам проявил инициативу, супруга Гао наконец успокоилась и, притворяясь довольной, улыбнулась, как будто всё это было частью её плана.

В центре зала Ци Юйчэ стал ещё более усердным, каждый его удар сопровождался свистом ветра, демонстрируя силу и мощь.

Закончив выполнение комплекса «Кулак Тунби», Ци Юйчэ был весь в поту.

Евнух Вэй первым начал аплодировать, а остальные слуги, следуя его примеру, тоже стали подбадривать и хвалить Ци Юйчэ.

Ци Юйчэ, никогда не получавший такого внимания, сразу же поднял подбородок, гордо взглянув на своего младшего брата, но тот даже не смотрел на него, а пристально наблюдал за старшей сестрой, и было непонятно, почему.

Прежде чем Ци Юйчэ успел расстроиться, Ци Юньхэн поднял руку, чтобы остановить аплодисменты слуг, и, нахмурившись, сказал Ци Юйчэ:

— Это всего лишь пустые движения, нечего тут гордиться!

Затем он приказал одной из придворных дам отвести Ци Юйчэ, чтобы тот вытер пот и переоделся.

Ци Юйчэ не расстроился из-за критики отца, наоборот, он ещё больше возгордился, когда император лично указал на человека, который должен был о нём позаботиться. Широко улыбаясь, он последовал за тётушкой Цзытун в задний зал.

После ухода Ци Юйчэ Ци Юньхэн не стал ждать его возвращения и сразу же приказал церемониймейстеру назвать имя второго принца.

Второй принц Ци Юймин преподнёс большую картину, составленную из трёхсот тридцати иероглифов «долголетие», желая отцу каждый год встречать этот день и наслаждаться вечным счастьем и бесконечной жизнью.

— Не нужно бесконечной жизни, через тридцать три года они уже будут умолять его поскорее отправиться на небеса.

Оуян мысленно пошутил.

Конечно, такие слова нельзя было произносить в подобной обстановке, но даже без подстрекательства Оуяна Ци Юньхэн не проявил радости от этой картины с таким абстрактным смыслом. Он лишь сухо сказал:

— Сынок, ты постарался.

И приказал убрать картину, после чего вызвал старшую дочь.

Старшая дочь Ци Юйлу преподнесла скромный подарок — пару носков, сшитых своими руками. Стежки и узоры были настолько неаккуратными, что сразу было видно: это работа новичка.

Ци Юньхэн улыбнулся и лично принял носки, прежде чем передать их придворным.

Однако Ци Юйлу не проявила радости от улыбки отца, лишь слегка подняла уголки губ и вернулась на своё место.

Супруга Люй знала, почему дочь была недовольна.

Но чтобы дочь могла прожить долгую и счастливую жизнь, супруга Люй решила не давать ей возможности завершить это задание, тем самым подавив её стремление к «совершенствованию».

Последней, кто преподнёс подарок, была младшая дочь Ци Юйлинь.

Она подарила три браслета из разноцветных камней, которые, конечно, были намного ценнее, чем носки старшей сестры, но её мастерство в плетении было на том же уровне, что и вышивка старшей сестры, — оба подарка были одинаково плохи.

Но для ребёнка её возраста подарок был скорее символическим, и Ци Юйлинь, похоже, это понимала. Она не стала требовать похвалы, а просто сказала:

— Бусины выбрала мама, а я сама их нанизала.

Ци Юньхэн ожидал, что младшая дочь ещё что-то добавит или скажет несколько добрых слов, но ничего не последовало. После объяснения происхождения подарка Ци Юйлинь замолчала, стоя как столб, словно ожидая, что Ци Юньхэн что-то скажет.

— Главное — это намерение, — сказал Ци Юньхэн.

Он не желал критиковать подарок, так как ранее он не стал придираться к носкам старшей дочери, и теперь тоже не стал бы критиковать браслеты младшей — в конце концов, все эти подарки отправятся в хранилище, и ни один из них он никогда не станет использовать.

Но прежде чем младшая дочь успела вернуться на своё место, вдовствующая императрица Юнь неожиданно вмешалась:

— Боюсь, что и намерения здесь не было!

Ци Юньхэн нахмурился, бросив холодный взгляд на госпожу Юнь, и спросил:

— Что мать имеет в виду?

— Я просто говорю правду, — ответила вдовствующая императрица Юнь.

Она не хотела портить сыну день рождения, но всё ещё злилась на Оуяна и, увидев виновницу своего недовольства, решила выместить гнев.

Ведь мать младшей дочери была женщиной, которую сын ненавидел больше всего, а её нынешняя приёмная мать была лишь номинальной императрицей без детей. Вдовствующая императрица Юнь не считала, что сын станет ссориться с ней из-за этих двух женщин и одной дочери.

— Если просто нанизать несколько бусин можно назвать намерением, то это намерение слишком легко получить! Значит ли это, что если кто-то подберёт камень с земли и подарит его императору, это тоже будет считаться намерением? Вы думаете, императора так легко обмануть? — вдовствующая императрица Юнь повернулась к императрице Ван. — Императрица, вы не стараетесь! Ребёнок маленький, я не буду придирается к мастерству, но эти бусины — даже мои служанки не стали бы использовать такую дешёвку! Как вы могли позволить дочери императора играть с этим и даже подарить ему? Вы что, считаете императора деревенщиной, не видевшей мира?!

— Ты сама деревенщина!

— Мои бусины, хоть и обрезки, но сделаны из высококачественного жёлтого нефрита, чёрного нефрита и белого нефрита! Ты просто слепая, если не видишь этого!

— И какая служанка осмелится носить украшения из нефрита? Это же запрещено для служанок! Ты что, с ума сошла?!

Императрица Ван побледнела от злости, но понимала, что вдовствующая императрица Юнь просто придирается. Она знала, что любые оправдания будут бесполезны и могут только разозлить вдовствующую императрицу, которая станет ещё более жёсткой, обвиняя её в неуважении и неблагодарности.

Но прежде чем императрица Ван успела опустить голову и попросить прощения, слева раздался знакомый насмешливый смех.

— А что плохого в бусинах? Ты думаешь, все семьи такие, как твоя, где учат дочерей тащить всё в свои карманы, хватать каждый кусок мяса, который видят? Ты знаешь, что такое честность и скромность?

Оуян недавно занимался упорядочиванием внутренних запасов Ци Юньхэна и видел множество счетов, включая те, что касались их семьи до того, как они стали хозяевами дворца. Он заметил, что госпожа Юнь слишком жадна, и большая часть денег, выделенных Ци Юньхэном на содержание семьи, уходила в её карман, а не на нужды женщин и детей.

Услышав, как вдовствующая императрица Юнь придирается к качеству бусин, Оуян не смог сдержаться и высказал своё недовольство.

— Как ты смеешь! — вдовствующая императрица Юнь была шокирована, что Оуян вмешался в разговор на стороне императрицы Ван, и, не сдержавшись, крикнула:

— Когда ты, ничтожество, получил право вставлять свои слова?! Неужели у вас двоих есть тайная связь, и ты не смог сдержаться, чтобы защитить её?..

Не успев закончить фразу, вдовствующая императрица Юнь почувствовала, как перед ней потемнело, словно что-то ударило её в лицо. Очнувшись, она увидела, что это была тарелка с горячим блюдом, брошенная в неё.

Тарелка упала на стол перед ней, а горячий соус стекал по её лицу, загораживая обзор и

причиняя невыносимую боль, как будто её кожу кололи иглами.

Вдовствующая императрица Юнь закричала, не в силах сдержать боль, и, хлопая по столу, закричала:

— Позовите врача! Срочно позовите врача!

<http://bllate.org/book/16203/1454704>